

А. П. Окладников

Одиссея землепроходца Пенды

В конкретную историческую ситуацию героического века русских пионеров Сибири входит один сравнительно небольшой, но характерный эпизод. Это рассказ о забытом историками, но замечательном путешественнике начала XVII столетия Пенде.

Одним из важнейших этапов продвижения русских в глубь Сибири было открытие ими великой сибирской реки Лены, за которым последовало освоение обширного Ленского края, второй Мангазеи и новой <златокипящей государевой вотчины>, как писал в свое время А. Палицын - мангазейский воевода и один из образцовейших государственных деятелей первой половины XVII столетия.

Семья манси. Гравюра из книги Н. К. Витсена, издание 1692 года.

Образное выражение Палицына вовсе не было простым риторическим оборотом книжной речи того времени. Оно в полной мере соответствовало реальному значению вновь открытых земель для русского государства. От Байкальских гор и до Студеного океана через горы, леса и тундры, заселенные неведомыми племенами и народностями, широкой лентой протянулась одна из величайших рек Азиатского материка. Почти на всем ее протяжении, на расстоянии четырех с лишним тысяч километров, густые леса изобиловали ценным пушным зверем, суровые пространства по берегам и островам Студеного моря хранили в своих ледяных толщах неисчислимое количество дорогого <рыбьего зуба> (клыки моржей), мамонтовых бивней.

К востоку от Лены простирались новые, еще более обширные и не менее заманчивые пространства - одна за другой открывались неизвестные раньше долины Яны, Индигирки, Колымы и наконец Охотское побережье, за которым лежал далекий край кочевых оленеводов тундры и оседлых <зубастых> обитателей крайнего Северо-Востока Азии.

Честь открытия реки Лены и первых путешествий в ее долине обыкновенно приписывается в нашей общеисторической и научно-популярной литературе казачьему десятнику В. Бугру и сотнику П. Бекетову, основателю первого острога на месте будущего Якутска.

Деятельность В. Бугра и тем более П. Бекетова, бесспорно, имеет большое значение. Она заслуживает всяческого внимания. Но не меньшего внимания достоин и другой русский деятель, землепроходец XVII столетия, несправедливо забытый и обойденный в нашей литературе, и притом не только в научно-популярной или учебной, но и в специальной исторической. Землепроходец этот - Пенда.

О нем первый и чуть ли не единственный раз в нашей специальной исторической литературе упоминает в связи с историей открытия Ленского края И. Фишер * в своей <Сибирской истории>.

В полной мере оценил значение похода Пенды, в сущности, один только Л. Берг в своем очерке <История географического ознакомления с Якутским краем>, опубликованном в сборнике <Якутия> в 1927 году. <Это путешествие, - пишет Берг, - составляет поистине необычайный географический подвиг>. Но, <к сожалению, - указывает он далее, - никаких других подробностей о нем не сохранилось>.

Между тем даже то небольшое, что нам известно о Пенде, интересно и важно не только для истории первоначального освоения русскими Ленского края, но и для общей характеристики деятельности русских землепроходцев XVII столетия, для надлежащей оценки их дел и их эпохи - этого замечательного века великих открытий на Севере Азии. Чтобы оценить значение похода Пенды, достаточно и того, что говорит о нем Фишер в связи с военными экспедициями Бекетова, Ермолина и Бугра. После короткого перечня первых походов на Лену этих служилых людей Фишер писал о Бекетове: <Намерение свое произвел он с таким малым числом людей, что почти невероятно показалось бы, как россияне могли на то отважиться>.

Далее Фишер отметил, что путь казакам на Лену проложили промышленные люди: <Так же и сибирские промышленные оказали в обьисканиях на Лене немалые успехи. Сии отваги, которые сами от себя таскались повсюду, так что их не могла утратить никакая опасность, когда они могли где-нибудь получить себе корысть... Сказывают о некоем, именем Пенда, что с 40 человеками, собранными из Туруханска, препроводил три года на Нижней Тунгуске, прежде нежели пришел к Чечуйскому волоку. Перешед его, плыл он рекою Леною вниз до того места, где после построен город Якутск: откуда продолжал он свой путь сею же рекою до устья Куленги, потом Бурятскою степью к Ангаре, где, вступив на суда, чрез Енисейск прибыл паки в Туруханск. Единственно надежда прибыла побудила сих людей к такому путешествию, какого чаятельно никто ни прежде, ни после их не предпринимал>.

Краткий рассказ Фишера передает историю небывалого до тех пор, по его же словам, путешествия в слишком общих чертах и оставляет необъясненным тот любопытный факт, что Пенда провел три года на Тунгуске, прежде чем достиг долины Лены.

Значительно полнее другой рассказ, приведенный И. Гmeliным *. Рассказ этот содержит много красочных деталей и, что особенно важно, рисует в совершенно ином свете мотивы, руководившие самим Пендой в его головокружительно смелом по тому времени путешествии. Гмелин указывает и на источник, из которого он извлек опубликованные факты, - это была устная передача мангазейскими казаками из поколения в поколение рассказов о подвигах Пенды.

<Теперь мог бы я закончить эту книгу, - пишет Гмелин в конце той части своего дневника, где говорится о Якутске и Якутии. - Но так как я из Якутска еще не вернулся, то должен вернуться к тому пути, который я сделал уже сюда. В этом должен мне помочь один русский предприниматель, который, как говорят изустные рассказы мангазейских казаков, передававшиеся от отца к сыну, впервые открыл отсюда якутские местности.

Пенда, некий русский гуляющий человек, хотел с 40 человеками частью в России, частью в Сибири собравшегося народа искать свое счастье в Сибири, ибо он так много о захвате земель слышал и свое имя, тоже как и другие, о чьих больших делах рассказывали, хотел сделать знаменитым.

Он приходит на Енисей, идет по нему вниз до Ман-газеи, слышит там, что Нижняя Тунгуска, которая не вдалеке выше в него впадает, очень заселена чуждыми народами и что против ее начала есть другая очень большая река, по которой тоже много народов живет. И вскорости он решает идти вверх по этой реке и всю эту страну исследовать.

Он строит себе необходимое для этого число судов, но в первое лето доходит не далее чем область Нижней Кочомы реки. Вслед за тем тунгусы преградили ему дорогу сваленными через реку многими могучими деревьями и не пропустили его суда.

Он должен был, таким образом, решиться провести зиму в той же самой области, для чего он и построил себе хижину, чтобы жить в ней, которая еще и в настоящее время известна под именем Нижнего Пендина зимовья. Тунгусов, однако, не остановила даже и хижина, и они делали частые набеги на нее. Но Пенде было нетрудно отгонять их обратно огнестрельным оружием, которым он был вооружен, так часто, как он этого хотел, поскольку они не имели ничего другого, кроме лука и стрел.

Следующим летом он отправился опять на судах. Но чем далее тунгусы прошлой зимой были им отогнаны назад и чем более они узнавали его силу, тем более считали они в высшей степени необходимым препятствовать во всех его предприятиях, чтобы он не мог приблизиться к ним еще ближе и стать полным хозяином над ними. Они мучили его так, что он летом никак не мог дойти до Средней Кочомы и был вынужден снова остановиться и построить хижину, в которой прожил всю зиму. Она известна под именем Верхнего Пендина зимовья.

Тунгусы увидели, что они ему ни на воде, ни в его хижине ничего сделать не могут. Они оставили его в его зимнем лагере в покое и, как он третьим летом опять вверх шел, не мешали ему нимало.

Он достиг без всякого сопротивления области Нижней Тунгуски, от которой берет свое начало Чечуйская волость, или район между Тунгуской и Чечуйским острогом на Лене. Отсюда он, по видимому, или через ловких лазутчиков, или через других людей имел безопасные сведения, ибо едва он об этом позаботился, как сразу же выступил в сухопутное путешествие.

Однако же не знал он, что тунгусы всю их силу собрали. Они оказали ему такое большое сопротивление, на какое только были способны, и вынудили его на горе Юрьев, которая находится на том же участке, построил зимнюю хижину, в которой он свою судьбу, что предстояла ему зимой, должен был ожидать...

Итак, пришел он в четвертую весну на Ленз. Как только он построил необходимые суда, пошел вниз по Лене до области: города Якутска. Он должен был затем идти оттуда обратно вверх по Лене до области >Верхоленска, а оттуда через степи на Ангару и по ней по Тунгуске в Енисейск; где он о

своих открытиях письменное известие составил и через то дал повод к заселению помянутых областей>.

Сообщение Гмелина в некоторых частных деталях дополняется более скрупулезным сокращенным рассказом Г. Миллера*, помещенным в его <Истории: Сибири>.

Миллер писал о Пенде: <Пенда, или Поянда, промышленный человек из России, отправился в старые времена из Туруханска водою вверх по Нижней Тунгуске с собранными из разных мест 40 человеками, желая открыть новые земли. В первое лето он дошел до речки Нижней Кочомы, где тунгусы загородили- реку, навалив в нее множество деревьев. Так как он не мог пройти дальше на своих судах, он построил там зимовье, которое до сих пор известно еще под названием Нижне-Пендянского зимовья. Зиму он провел за соболиной охотой, а когда тунгусы делали попытки напасть на него, он бег труда прогонял их огненным бо-ем. Следующей весной, когда полая вода снесла сделанную* тунгусами преграду, он снова двинулся в путь на своих судах, но встретил такое сильное сопротивление, что это лето и всю зиму ему пришлось провести в тамошних местах. Свидетельством этому якобы служит построенное им в расстоянии1 всего ста верст от предыдущего, недалеко от устья речки' Средней* Кочомы, Верхне-Пендинское зимовье.

Наконец, третий год был для него настолько благоприятным, что он достиг той части реки Тунгуски, где от нее шел небольшой волок, на реку Лену, который назывался Чечуйским волоком, по реке Чечую, впадающей в Лену. Несмотря на это, Ленда не решался сразу же перейти волок, так как думал, что на Лене его караулят тунгусы, собравшиеся в большом числе. Действительно, он имел с ними несколько столкновений. Возможно, однако, что третье зимовье он построил: на этом волоке для соболиного промысла и прожил в нем до открытия водного пути. В четвертый год он проехал по Лене до тех мест, где носле был построен Якутск. Тою же осенью или же следующей весной он возвратился обратно и пошел затем вверх по Лене до реки Куленги, откуда степью перешел на реку Ангару и далее через Енисейск снова вернулся в Туруханск>.

Из рассказов Гмелина и Миллера следует, во-первых, что источником сведений о походе Пенды явились рассказы мангазейских казаков, передававшиеся из уст в уста, от отца к сыну на протяжении целого столетия, с начала XVII века и до 30-х годов XVIII столетия, когда их и записал Гмелин.

Этот факт замечателен сам по себе. Перед нами единственный в своем роде образец исторического фольклора русского старожилородного населения Сибири - прямых потомков первых землепроходцев. Он засвидетельствован в записи XVIII века и притом в записи ученого-наблюдателя.

Старая русская Сибирь, несомненно, располагала обширным и своеобразным по характеру запасом собственных исторических преданий, в которых по-своему преломлялось прошлое русских пришельцев и ее коренного населения.

Это был, с одной стороны, казацкий исторический фольклор, являвшийся своего рода устной летописью первых походов и завоеваний. С другой стороны, крестьянский фольклор, повествовавший о ходе земледельческой колонизации, возникновении новых деревень и сел, о жизни крестьян в старину. Существовал, несомненно, и городской, купеческий и мещанский, исторический фольклор.

Эвент-охотник. Гравюра из книги Э. Избранта, издание 1706 года.

Первым исчез, по-видимому, ранний казачий фольклор, распавшийся вместе с разложением прежнего казачьего уклада жизни и утратой казаками их прежнего значения в новых условиях. Тем ценнее опубликованный Гmeliным рассказ о походе Пенды.

Из повествования Гмелина следует также, что длительное сохранение рассказа о Ленде объясняется особым отношением к нему земляков-мангазейцев. Мангазейские казаки восхищались и гордились своим героем. Подвиг Пенды поражал их воображение на протяжении многих десятилетий. Он удивил даже всегда сдержанного в своих суждениях Гмеяина.

О том, что Пенда действительно побывал в центре Якутской земли, свидетельствует и якутский исторический фольклор. В некоторых вариантах преданий о знаменитом кангаласском вожде Тыгыне говорится о том, что в последние годы его жизни во владениях Тыгына появились никому не ведомые пришельцы - первые русские. Эти новые люди, поразившие бесхитростного якутского вождя своим искусством работать и мудростью, появились неожиданно и так же неожиданно исчезли.

Существенно и то обстоятельство, что в якутском предании ясно и определенно говорится о мирном характере первой встречи русских пришельцев с якутами Тыгына. В устной повести мангазейских казаков о приключениях Пенды очень подробно излагается борьба с тунгусами, но нет ни одного слова о каких-либо стычках с якутами или бурятами. Такое полное совпадение вряд ли может быть случайным. Очевидно, оно соответствует действительному ходу событий.

Точность устного рассказа мангазейцев о путешествии Пенды и его 40 товарищей подтверждается тем, что здесь с полной определенностью указаны главные вехи длинного пути Пенды, особенно вверх по Нижней Тунгуске, в том числе оставленные им по дороге зимовья, в которых землепроходцы отсиживались от тунгусов.

Особенно важно, что в совершенно новом свете изображены Гmeliным и внутренние мотивы, вызвавшие экспедицию Пенды на Лену. По мнению Фишера, единственной причиной, заставившей Пенду совершить такое путешествие, была жажда прибыли. Гмелин же прямо и

определенно указывает, что совсем не это было главным и тем более единственным стимулом для подвигов Пенды и его 40 товарищей в Восточной Сибири.

Пенда, как рассказывали Гмелину мангазейские казаки, которым, несомненно, была ближе, чем кому-либо другому, психология храброго путешественника XVII столетия, так много слышал о больших делах русских землепроходцев на Севере, что и сам захотел сделать свое имя таким же знаменитым. Жажда великих дел и славы у потомства, а не одно лишь только простое желание разбогатеть вооружило Ленду такой несгибаемой волей, таким упорством и смелостью.

Еще более важно то обстоятельство, что храбрый Пенда, по словам Гмелина, достаточно широко понимал свою роль пионера в этих новых и никому еще из русских не известных странах. Дойдя до крайних пределов известной в то время русским Восточной Сибири - устья Нижней Тунгуски, - Пенда согласно прямому и точному выражению Гмелина <решается итти вверх по этой реке и всю эту страну исследовать>.

Более того, вернувшись обратно, Пенда оставляет первое письменное известие о своих открытиях, которое и явилось, по указанию Гмелина, поводом к дальнейшему исследованию и заселению новых областей Сибири. Нельзя не вспомнить в этой связи об известной докладной записке мангазейского воеводы А. Палицына, где говорилось о намечавшемся присоединении Ленского края к русскому государству. Вполне вероятно, что, кроме различных сообщений тунгусских князцов, Палицын мог использовать при составлении этого интересного документа и доставленные ему как мангазейскому воеводе письменные известия Пенды о путешествии по Нижней Тунгуске, Лене и Ангаре. В этом смысле и следует понимать слова Гмелина о том, что именно сообщения Пенды дали повод к заселению русскими Ленского края.

Изложенные факты убеждают нас в том, что землепроходец XVII столетия Пенда, один из многих безвестных русских первооткрывателей новых земель, память о котором случайно сохранил Гмелин, вполне заслуживает внимания наших современных историков.

В заключение следует остановиться на одном очень важном факте, подтверждающем необычайное путешествие Пенды. Это вещественный памятник деятельности Пенды - построенное им на Нижней Тунгуске зимовье. В одном из документов, скопированных в Мангазейском музее для Г. Миллера, сказано: <В 7132 году {от <сотворения мира>..} в Нижней Тунгуске в Пендинском зимовье с новых людей с Оленьи реки: род Ачаны девять человек, платят ясаку по 2-8 соболей, 1- 2 недособолей...>

Как следует из документа, Пендинское зимовье существовало и действовало как опорный пункт ясачного сбора уже в 1624 году, то есть за 4 года до первого похода В. Бугра. Само собой разумеется, что возникнуть оно должно было еще раньше, вероятнее всего, около 1620 года, когда в Мангазее были получены первые более или менее точные сведения о Нижней Тунгуске и Ленском крае.

В связи с вопросом о походе Пенды на Лену исключительный интерес представляет следующий отрывок из неопубликованного дневника И. Сулова:

<Поиски известняка затянули нас еще дальше по Тунгуске, и мы сделали еще десять километров до левого притока Тунгуски, маленькой речки Гулями. Я интересовался этим названием, так как гуля - по-тунгуски - изба. Оказывается, здесь, в устье речки, находят ся древние казачьи избы. Пospешили осмотреть их. Здесь оказался чуть ли не целый острог с очень оригинальными постройками.>

Центральный дом имеет в длину пять сажень и в ширину три сажени и делится на две половины. Кругом него глаголем расположена галерея мелких клетушек с маленьким окном и одной дверью в каждой клетушке...

Вместо ворот построены в галерее с обеих сторон по одной клетушке. Таким образом получается узенький дворик. Все постройки сделаны из толстого лиственничного леса. Потолки давно уже обрушились и провалились вместе с крышным желобником внутрь помещений, из которых растут высокие лиственницы и березы.

Возле центральных построек находится оклад какого-то небольшого строения, по-видимому, это была баня. Сажень в пятидесяти вниз по берегу уцелел еще один оклад какого-то строения. Могил поблизости не видно. Раскопок я не производил. Ограничился лишь четырьмя фотографическими снимками. Больше фотографировать не мог за отсутствием пластинок.

В дополнение к выписке из дневника Суслов устно сообщил, что обнаруженные им остатки строений находились на берегу Нижней Тунгуски примерно километрах в 900 от ее устья. Он полагает, это действительно могут быть остатки Среднего Пендина зимовья.

Как видно из приведенного в дневнике Сулова плана этих строений, галерея из клетушек соответствует стене, оберегавшей главную постройку со стороны леса, в то время как противоположная сторона защищена самой природой - рекой. Это, по-видимому, было действительно небольшое укрепление типа острожка или зимовья, заложенное Пендой, а впоследствии расширенное мангазейскими сборщиками, собиравшими здесь ясак с тунгусских родов.

Насколько известно, казачье зимовье на реке Гулями (если обнаруженные Суловым строения действительно являются им, а это более чем вероятно) представляет собой единственный в своем роде памятник такого рода, а других зимовий, уцелевших там с начала XVII столетия, как будто бы до сих пор в литературе не отмечалось.

Таковы сохранившиеся спустя три века документальные свидетельства о деятельности нашего отважного землепроходца, от которых веет атмосферой века замечательных, но далеко еще не выясненных в исторической науке подвигов и открытий русских людей.

Если о смелом, поистине головокружительном путешествии храбреца Пенды дошли до нас письменные и фольклорные свидетельства вместе с археологическими остатками зимовьев, то о другом не менее смелом и еще более раннем путешествии русских землепроходцев XVII столетия в глубь арктической Сибири рассказывают только археологические реликвии. Так и остается загадкой, волнующей воображение историков, удивительная находка гидрографов на пустынном берегу Таймырского полуострова в заливе Симса и ее двойник на заброшенном в Ледовитом океане неподалеку от залива Симса, маленьком островке, который носит имя Фаддея. Двойник потому, что обе находки, поразившие гидрографов - первооткрывателей этих сокровищ, представляют части имущества неизвестной русской полярной экспедиции, свидетельства трагедии, разыгравшейся у берегов Таймыра более 350 лет назад.

История открытия такова.

14 сентября 1940 года отряд Гидрографического управления Главсевморпути в составе топографа Е. Линника, гидрографа А. Касьяненко, матроса П. Кирина и моториста Е. Истомина находился на

острове Фаддея. Неожиданно П. Кирин увидел между разрушенными каменными глыбами какие-то старинные медные котлы. В таких котлах в современной Арктике давно уже не варят пищу.

Ханты. Гравюра из книги Э. Набранта, издание 1706 года.

Первой мыслью было, что они остались после экспедиции Норденшельда *. Это было и неожиданно и интересно. Но когда полярники начали ворошить камни, то обнаружили старинный топор, ножницы, сковородки, а также голубые бусы, которым не было места в инвентаре экспедиции Норденшельда. Затем были найдены серебряные монеты, не круглой, как ныне, формы, а овальные и неправильные по очертаниям. Тут же лежали медные котлы и оловянные тарелочки. И наконец, целая, но погнутая пищаль.

Такую пищаль можно видеть на известной картине В. Сурикова в руках у Ермаковых казаков!

Еще более поразило гидрографов то, что дальше стали попадаться мелкие безделушки: серьги, перстни, нательные кресты, голубые бусы разной величины...

Нужно отдать должное первооткрывателям: они сумели сдержать вполне понятный пыл копаться дальше, ибо это должны делать специалисты, археологи и историки!

Спустя год гидрографы с судна <Якутия> побывали в заливе Симса и нашли там остатки покинутого зимовья, а в нем и около него обнаружили такие же предметы, как и на острове Фаддея. В том числе серебряные монеты, позволявшие сделать вывод, что оба памятника принадлежат XVII веку и, вероятно, связаны по своему происхождению с одним и тем же событием.

Учитывая важность находок на острове Фаддея и в заливе Симса для истории освоения Сибири и русского полярного мореплавания, Арктический институт Главсевморпути и Институт истории материальной культуры Академии наук (ныне Институт археологии АН СССР) направили на Таймыр экспедицию в составе А. Окладникова и В. Запорожской вместе с двумя молодыми рабочими-десятиклассниками.

Первыми, кого они встретили на берегу острова Фаддея, были белые медведи, в том числе огромный старый самец и медведица с медвежонком.

Каждое утро показывал из воды свою усатую голову тюлень. Несколько минут смотрел с любопытством на палатку, а затем нырял. Вероятно, мы заняли единственное место на камнях, удобное для отдыха.

На дальнем берегу от залива Симса в глубь материка расстилалась необъятная дикая тундра, которая поразила своей неприютностью даже отчаянных мореходов Х. Лаптева *. Сто лет спустя А. Миддендорф * выразительно описал тот край как истинное <медвежье царство>. Он добавил также, что жители Таймыра, нганасаны и тавгийцы, панически боятся тамошних белых медведей.

Когда же и каким образом здесь оказались люди, имущество которых обнаружилось в заливе Симса и на острове Фаддея?

Об этом рассказали сами находки.

Первое, что стало очевидным, когда коллекции были доставлены в Ленинград и разобраны: обнаружены остатки древнерусской мореходной экспедиции, торговой и промышленной, снаряженной по тем далеким временам превосходным образом, с званием и учетом условий Севера, готовой ко всем неожиданностям, к борьбе с суровой стихией.

О том, что они были русскими, а не чужеземцами, свидетельствовали превосходно выполненные нательные кресты. Ни один русский человек не расставался в старину с нательным крестом, нередко богато украшенным филигранью. Именно такие кресты были найдены на острове Фаддея и в заливе Симса.

На затейливо украшенной тонким орнаментом деревянной рукояти ножа славянской вязью была вырезана короткая, но четкая надпись: <Акакий Мураг> (иначе говоря, Мурманец). Она свидетельствовала, что в экспедиции был грамотный человек, который и вырезал на рукояти свое имя. То было, конечно, прозвище, замена фамилии, как это было принято в старой, допетровской Руси. В ножнах одного из ножей уцелел кусочек бумаги, по-видимому, жалованной грамоты хозяину судна, богатому и знатному.

Судно, на котором они шли по морю, несомненно, погибло. Но на берегу острова Фаддея лежали обломки шитика. Эти довольно крупные лодки назывались так потому, что были именно сшиты, а не сколочены гвоздями. В уцелевших досках сохранились специальные отверстия - держатели для еловых корней, заменявших гвозди.

Древние мореходы имели в своем распоряжении солнечные часы и компас. При раскопках были обнаружены уникальные мореходные инструменты, с помощью которых опытные и смелые путешественники прокладывали дорогу по бурным волнам мимо ледяных полей и грозных льдов к намеченной цели.

Вполне вероятно, что все имущество принадлежало не одному человеку, а коллективу участников, компании. Иначе почему бы богатая денежная казна оказалась разделенной на две почти равные части, которые были найдены на острове и в заливе.

Каковы же были цели мореходов? Что влекло эту группу вдаль, на север и на восток?

Конечно, слово <экспедиция> здесь нельзя понимать в современном смысле. Ее участники занимались охотой и промыслом пушных зверей. Иначе зачем им было везти с собой столько насторожен - ловушек для охоты на песцов. Они вступали и в торговые отношения с коренными жителями Арктики, имели стеклянные бусы - <одекуй>, а также явно туземные по происхождению

изделия и одновременно вещи для натурального торга с аборигенами, в том числе замечательное по художественному оформлению бронзовое литое зеркало. На нем изображен мифический кентавр - герой любимой русскими книжниками повести об Александре Македонском. Античный кентавр-кентаврос стал, как известно, в русской повести <китоврасом>. Такие зеркала бойко шли в продажу от Таймыра и до Байкала. Для коренных сибиряков <китоврас> был изображением их собственного небесного божества, солнечного всадника.

О близких отношениях с туземцами Сибири можно судить и по таким предметам, как орнаментированная сумочка для хранения огнива. Узор на ней выполнен в технике аппликации из разноцветного сукна и полностью повторяет мотивы (треугольники и стилизованные олени рога), которые свойственны ненецкому национальному искусству.

Такие сумочки служат своеобразным индикатором культурных контактов: огниво также необходимо было в повседневной жизни Древней Руси в быту простого русского человека, как и нож.

Отсюда следует, что уже тогда имело место и взаимодействие, взаимопроникновение художественных традиций. Не исключено, что владелец сумочки был даже женат на ненецкой женщине, которая и сшила ему такую сумочку, тем более что в числе оставленного имущества есть и предметы, которые составляют часть традиционных принадлежностей именно женского туземного костюма: полулунные металлические подвески.

Остается вопрос: когда вышли в путь безвестные мореходы? Крупнейший исследователь монетного дела на Руси профессор И. Спасский тщательно изучил уникальное собрание монет - сохранившуюся в мерзлой почве Арктики денежную казну. И пришел к выводу, что ее начали собирать не позже первой четверти XVII века, при первом царе из дома Романовых, Михаиле Федоровиче.

Решающее значение для определения возраста коллекции (1901 монета из залива Симса, 1435 - с острова Фаддея, а всего 3336 монет), как ни странно, имеют фальшивые легковесные монеты с именем Василия Шуйского, которые чеканились шведскими захватчиками в Новгороде во время оккупации новгородской земли. Шведские фальшивомонетчики выпускали такую монету с 1611 до 1617 года.

В составе коллекции нет еще денег Михаила Федоровича, чеканившихся в Новгороде с 1617 года. Нет в ней и копеек Христиана IV, чеканенных по типу и весу русских копеек в 1619 году согласно договору с русским правительством для торговли с русскими пограничными областями. Псковские монеты Михаила Федоровича, которые могли быть выпущены лишь в те годы, когда завершилось Смутное время и улеглась тревога в западных областях государства, тоже отсутствуют.

Соответственно уникальную коллекцию монет, представляющую русский монетный чекан за несколько десятков лет, кончили собирать около 1617 года. Тогда же, следовательно, вышли в далекий поход участники этого мореходного предприятия. Всего вероятнее, из Ман-газеи. За такое решение <голосует> и упомянутая сумочка для огнива, весь ее типично ненецкий орнамент.

В письменных документах нет прямых указаний на состав и судьбу этой торгово-промышленной экспедиции самого начала XVII века. Но она хорошо вписывается в известия о том, что русские издавна ходили морем вдоль северных окраин Сибири, с запада на восток. Еще в 1525 году один из образованнейших людей своего времени, новгородец по происхождению, прибывший послом в Рим к папе: Клименту VII, сообщил, что <Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в

стремительном течении к Северу и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китай». Занятые поисками прямых путей в Китай и Индию англичане и голландцы не раз слышали в тех же XVI и XVII столетиях от русских мореходов и охотников, с которыми встречались в арктических морях, что к востоку от Ямала и Новой Земли лежит хорошо известная русским морская дорога вплоть до устья Оби и даже далее.

К 1609 году относится известие И. Массы * о походе экспедиции морехода Луки, отпывшей еще в конце Смутного времени. Она нашла «много различных и редких островов, рек, птиц, диких зверей - все это далеко за Енисеем».

Связки для ловли пушных зверей и забор для рыбной ловли.
Гравюра из «Путешествия» Палласа, 1770 год.

Согласно письменным источникам уже в 1610 году в районе устья Енисея и Пясины появились кочи двиня-нина Куркина с товарищами. Тогда же, в 1610-1616 годах, мангазейские казаки открыли путь на реки Пясины и Хатангу. Одними из тех, кто прокладывал эту дорогу, и были, очевидно, мореплаватели, которые, может быть, впервые обогнули Таймыр и самую северную оконечность материка Азии, мыс Челюскина. Обогнули и тем самым более чем на два века опередили знаменитого путешественника А. Норденшельда, того, что, дойдя до мыса Челюскина, воскликнул: «Мы достигли великой цели, к которой стремились в продолжение столетий! Впервые судно стояло на якоре у самой северной оконечности Старого Света!»

В архивах не сохранилось или пока не найдено письменных документов о большинстве таких отважных путешествий с запада на восток. Однако кто знает, может быть, со временем мы узнаем из письменных источников не только об именах отважных путешественников, но и об их трагической судьбе, об их подвиге.

В 40-х годах наша экспедиция верхом на оленях путешествовала по Жиганской тайге - стране моховиц и «травяных речек», искала новые материалы для ранней истории Якутии.

Охотник и оленевод колхозник Николай Курилов из Олерского (прежде Хангайского) наслега в низовьях Лены рассказал, что некий человек, охотившийся зимой на песцов, обнаружил на берегу моря следы человека. Ступив на след, охотник увидел, что тот равняется несколькими харысам (четвертям). Следы шли в море.

Охотник встал рано утром и поехал по следам. После двух суток езды он увидел ночью перед собой гору, возвышавшуюся сквозь морозный туман как остров. Перед горой следов стало много. Навстречу ему вышла женщина высотой в несколько сажен. Она взяла охотника за руку и повела в дом. В доме находился также и мужчина.

Мужчина сказал охотнику: <Я сам виноват, что показал свои следы, иначе -бы ты не пришел сюда... Теперь отправляйся назад в свою землю, только никому не рассказывай. А я тебе помогу вернуться. Сейчас же не выходи, пока я не приготовлю нарту. Выйдешь потом сразу>. Через некоторое время тот человек зашел снова в дом и сказал: <Все кончено, теперь выходи>. Кругом был сплошной туман, ничего не видно. Хотел увидеть их дом охотник, но ничего не увидел. Великан посадил его на нарту, завязал ему глаза и сказал: <Когда доедешь до своей земли, собак отпусти>.

Те места, где раньше дважды ночевал, охотник теперь прошел без ночевки, в один день. В пути охотник развязал глаза и увидел, что его везут не собаки, а два волка. Его же собаки не могли тех догнать. Дойдя до дома, охотник отпустил волков-собак, и они сразу исчезли. Его собственная собачья нарта была нагружена доверху. Когда он раскрыл груз, то увидел множество лисиц-песцов. Когда охотник был в той заморской юрте, хозяин спросил его: <Почему ты бродишь один по берегу моря>. Охотник ответил, что этим мы и живем. Пожалев его, великан дал ему так много пушнины. Дом же великана был обыкновенного, человеческого вида. До старости тот охотник никому об этом случае не говорил, а рассказал только при смерти.

Коряк. Гравюра из «Описания народов Г. Георги.

В других вариантах этих легенд говорится, что охотник, попав в селение таинственных людей-великанов по следам гигантского человека, поехал с ним в открытое море. В некоторых случаях рассказывается, что люди эти уносят из человеческих костров горящие головешки. Они отличаются от обычных людей, обитателей материка, не только своим гигантским ростом, но и тем, что имеют длинные густые брови или даже сплошь покрыты шерстью; это - <бородатые> люди.

В описании же жилищ много реальных черт, много такого, что поразительно напоминает жизнь оседлых морских охотников-зверобоев арктических островов.

Дома <бородатых> расположены не по одному, а целыми поселками. Форма домов круглая, то есть куполовидная, как у полуподземных жилищ эскимосов и сидячих чукчей. Дома делятся на две части, на сени и внутреннее пространство. Так строились эскимосские зимние жилища, куда попадали через сени. Внутри дома располагались спальные пологи. Жилище освещалось не печами, а <светящимся камнем>. В этом источнике света нетрудно увидеть жировую лампу, которая обогревает и освещает эскимосские жилища, а также служит для приготовления пищи. Ездят <бородатые> на собаках, похожих на огромных волков.

Таким образом, в легенде о <бородатых> людях обнаруживаются определенные элементы этнографической действительности, которые говорят о древних связях континентальных охотничьих племен с обитателями морских островов.

Со временем, когда на севере Азии появились русские, они не только легко восприняли представления аборигенов о жителях островов Ледовитого океана, но развили их дальше, придали им новую окраску соответственно своим представлениям и мировоззрению.

В их легендах о <земле бородатых> отразилась наивная крестьянская мечта о вольной земле без царя и помещиков.

В Якутске И. Сельскому в середине XIX века рассказывали о существовании <сзиздавна каких-то жителей, прежде сосланных, потом бежавших и поселившихся на неизвестных островах Ледовитого моря. В давние годы какой-то промышленник около Колымского устья осматривал на островах звероловные снасти. Там застигла его пурга, и он заблудился. Долго блуждал он по окрестным пустыням, и наконец собаки привезли его в незнакомое селение, состоящее из нескольких домов, которые все были срублены на угол. Заблудившегося приняла женщина, но она с ним ничего не говорила. Поздно вечером пришли с промысла мужики и стали расспрашивать прибывшего к ним: кто он, откуда, по какому случаю и зачем заехал к ним, не слышал ли он об них чего прежде и, наконец, не подослан ли кем? Промышленника этого они держали под присмотром шесть недель, поместили его в отдельном доме и не позволяли отлучаться ни на шаг, ни с кем не разговаривать. Заключенный во время пребывания своего там часто слышал звон колокола, и обитатели этого заповедного селения собирались в молельню, из чего он и заключил, что это был раскольнический скит. Наконец жители этого дикого селения согласились отпустить этого промышленника, но взяли с него при этом клятву молчать обо всем виденном и слышанном им. Затем они ему завязали глаза, вывели из селения и проводили очень далеко. При расставании подарили ему большое количество белых песцов, красных лисиц и сиводушек>.

В свою очередь, верхоянский исправник писал иркутскому епископу Вениамину, что на Ледовитом океане есть <неизвестный географии остров. Он в хорошую и ясную погоду с острова Новой

Сибири к северо-востоку представляется точкой. На этом острове есть жители. Их называют бородачами, потому что, говорят, народ совершенно оброс волосами. С ними весьма редко и под опасением смерти имеют сношения дикие чукчи, которые передают о сем под секретом чукчам, платящим ясак. Они, тоже под секретом, русским...

Народное предание говорит, что бородачи на том острове проживают лет четыреста; что какой-то епископ со свитою был занесен на него и выброшен, судно разбилось, и спасения не было, будто бы слышат на том острове звуки колоколов, но как в жилия свои бородачи не допускают, а ведут торговлю только на берегу, то дикие чукчи сами наверно сего не удостоверяют>.

Протоиерей П. Громов допускал, что чукотский рассказ о неведомом городе <бородатых> людей, где есть христианские церкви с колоколами, может иметь связь со сказанием о гибели миссионера Флавиана (конец XVIII века) со свитой.

Остается добавить, что древние легенды оказались одним из стимулов и к географическим исследованиям в начале XIX века, к поискам загадочной <Земли Сан-никова>!

Не случайно, еще в конце этого века один колымский старик, услышав об экспедиции Седова на Северный полюс, сказал: <Ну значит, беспременно к людям, что в домах с золотыми крышами, заедут>, намекая на таинственных островитян, о которых согласно говорят легенды русского и коренного населения побережья Ледовитого океана.

Таким образом, если в рассказах мангазейских казаков о Пенде звучит жажда славы и богатырский размах подвига первооткрывателей для русского государства новых земель, то в цикле о <бородатых> явственно выступает более глубокая идея: о воле и свободе. Слышна исконно мужицкая тоска по свободной от крепостного ига земле.

Эту землю, страну крестьянского счастья, искали наши мужики. Она снилась им десятки и сотни лет. Они чаяли ее найти и во льдах Северного океана. Об этом и рассказывают легенды, где причудливо переплелся фантастический вымысел с этнографической реальностью.

КОММЕНТАРИИ

Текст печатается по изданию: Окладников А. Открытие Сибири. М., <Молодая гвардия>, 1979.

Фишер Иоганн Эбергард (1697-1771) - историк и филолог, член Петербургской Академии наук; в 1740 - 1746 годах в составе Камчатской экспедиции путешествовал по Сибири, собирая материалы по истории, географии и этнографии; русский перевод его <Сибирской истории> вышел в 1774 году.

Гмелин Иоганн Георг (1709-1755) - натуралист, член Петербургской Академии наук; в 1733-1743 годах путешествовал по Западной и Восточной Сибири.

Миллер Герард Фридрих (1705-1783) - историк, член Петербургской Академии наук; участвуя в 1733-1743 годах в экспедиции по изучению Сибири, собрал огромную коллекцию копий документов по русской истории; автор фундаментальной <Истории Сибири>.

Норденшельд Нильс (1832-1901) - шведский исследователь Арктики (Шпицберген, Гренландия).

Лаптев Харитон Прокофьевич - русский мореплаватель, участник 2-й Камчатской экспедиции, в 1739-1742 годах обследовал побережье от р. Лена до р. Хатанга и Таймырский полуостров.

Миддендорф Александр Федорович (1815 - 1894) - русский естествоиспытатель и путешественник, академик, составил естественноисторическое описание Северной и Восточной Сибири и Дальнего Востока.

Масса Исаак (1587-1635) - голландский купец, в начале XVII века долгое время жил в Москве, автор <Краткого известия о Московии>.

"История Отечества в романах, повестях, документах" век XVI-XVII. Москва "Молодая гвардия" 1987